

ФЕМИНИСТСКИЕ КОММЕНТАРИИ

Феминизм/постфеминизм: локальные смыслы глобального дискурса

Марина Носова

Вопрос о том, что есть феминизм и феминистский способ мысли, возникает для нас только сейчас – когда феминизма уже нет и когда только ностальгия может послужить отправной точкой для понимания этого типа дискурса. При этом для нас, исследовательниц феминизма из постсоветского пространства, помимо факта крушения Большого Нарратива феминизма и кризиса феминистской идеологии, существует еще один пласт очевидностей, обусловленных спецификой нашей локальной топологии: мы говорим и пишем как бы «из вне», то есть из тех пространств, где феминизма нет – «из вне» феминистской идеологии, «из вне» феминистской политики. Наш голос не принадлежит хору голосов женщин третьего мира, мы обнаруживаем себя деколонизованными, не испытав ига колонизации. Мы слышим феминизм, но не можем говорить на его языке. Мы не обладаем голосом, но производим смыслы. Наша претензия на статус субъекта феминистского дискурса не обеспечена онтологией «женского», равно как и эпистемологией «угнетенного женского». Мы не олицетворяем собой и субъекта «женского сопротивления». Тем не менее, наша претензия на статус, однако же, велика – мы не лишены точки зрения, а реальность значений, производимых вне нас, тотальна настолько, что оказывается единственной гарантией нашей собственной реальности...

Итак, центральной категорией западного феминистского дискурса является категория женского субъекта; центральным принципом формирования этой категории является принцип бинарных оппозиций. Применительно к процессу формирования женского субъекта это означает, что в дискурсе феминизма 1)

существуют лишь две (противоположные) позиции – «женское» и «мужское»; 2) коннотации женского содержатся в мужском; 3) женское – это не-мужское или 4) женское по отношению к мужскому представлено как нехватка.

Если обратиться к истории производства субъекта феминистского дискурса, то, можно сказать, все четыре позиции в качестве дискурсивных стратегий формирования женского субъекта реализованы четырьмя основными направлениями феминистской теории: экзистенциализмом Симоны де Бовуар, либеральным, радикальным и психоаналитическим направлением. Первый пункт воспроизводит исходную логическую посылку, на которой основана категория женского субъекта в концепции С. де Бовуар. На основании экзистенциальной аналитики «другого» де Бовуар разрабатывает концепцию женской субъективности как радикально отличную от мужской и поднимает вопрос о статусе и структуре женского субъекта. Либеральный феминизм, развивая принцип взаимозависимости мужского и женского, стремится преодолеть оппозицию «мужского и женского», «природы и социума» за счет понятий права и справедливости: в лице Б. Фридан, К. Пэйтман¹ и других теоретиков и активисток женского движения конструирует женского субъекта как отличного от мужского (по структуре), но равного мужскому (по статусу). Центральная идея радикального феминизма базируется на тезисе о необходимости изменить систему, существующий порядок вещей, дискредитировать и деструктурировать стратегии властного производства женской субъективности как зависимой от мужской, мысля женское как «женское-другое». Психоанализ как критическая теория и психоаналитическое направление феминизма, в частности, довершили процесс означивания женского через логику противопоставления мужскому, артикулировав сферу символического производства женского. Тем самым, можно сказать, психоаналитический феминизм, по сути, исчерпал возможности аналитики бинарных оппозиций по производству смыслов и значений в дискурсивной формации феминизма.

Только в постфеминистском дискурсе открываются по видимости новые возможности и стратегии для производства субъекта вне логики бинарных оппозиций «женского/мужского». В частности, субъективность, производимая постфеминистским дискурсом, фактически лишается прямых коннотаций с «женской природой» или эссенциалистской «женской сущностью». Изобретение гендера как заместительного означающего для маркирования половых различий, в арсенале средств означивания которого имеется целый спектр имен для сексуальности, телесности, практик половой коммуникации, повседневного взаимодействия и т.д., является составной частью процессов по созданию этой новой постфеминистской деконструированной субъективности. Гендерные характеристики субъективности призваны преодолеть дихотомии «женщина-мужчина», «природа-социум» и основанные на бинарной логике иерархии значений (языковых и социальных), т.е. сам источник угнетения и неравенства.

Отсюда радикальная проблематизация эссенциалистских коннотаций в трактовках субъективности в постфеминизме, что нашло свое яркое выражение в масштабном дебате его теоретиков – сторонников теории сексуального различия, с одной стороны, и представителей гендерного конструктивизма – с другой. Позиции обеих сторон в этой дискуссии, по существу, конституированы одной целью – освободить феминистского субъекта от детерминант «женского» (пола, гендера, сексуальности) как означающего. Политически этот проект предлагалось реализовать по-разному. Люси Иригарэ², например, пишет о том, что женский субъект в культуре изначально ускользает от «прямых» репрезентаций, так что феминистскими политиками должны стать политики миметической симуляции феминного; Элизабет Гросс³ разрабатывает концепт трансгрессивной сексуальности для описания желания вне копулярных, традиционных и стереотипизированных, сексуальных норм. Дж. Батлер призывает феминистских теоретиков «денатурализовать» как гендерные, так и сексуальные различия, рассматривать их как перформативные стратегии производства значений субъективности в пространстве постфеминистского дискурса. В этой связи можно сказать, что гендер как постфеминистский теоретический конструкт по-прежнему несет в себе одновременно зерно идеологии и утопии: с одной стороны, он реализует позднелиберальную идеологию признания «другого» – множественности сексуальностей, культур, значений, интерпретаций, практик, и этом смысле является политически актуальной и прогрессивной феминистской политикой; с другой стороны, гендер реконцептуализирует старую феминистскую идею спасения от патриархатных форм угнетения и в этом качестве выступает «политикой в духе маленькой Алисы», когда достаточно зажмуриться, чтобы почувствовать, что опасность миновала...

Можно сказать, что постфеминистские политики во всем их многообразии нацелены на реализацию ресурсов активности субъекта, свободного от обязательств перед единственным «истинным» референтом. Нередуцируемость субъективности к каким-либо застывшим идентификационным моделям, мимесис и трансформация стратегий субъективации можно представить, в том числе, как процессы языковой ассимиляции, посредством которых постфеминизм расширяет границы дискурсивной формации феминизма, экспортирует феминистскую идеологию «во вне», присваивает локальные значения дискурсов маргинальных групп, тем самым создавая их в качестве локальных («молчащих») субъектов глобального постфеминистского дискурса. Подобно капиталу в глобальной экономике современного мира, экспорт постмодернистской субъективности (смыслов, значений и сигнификации) не подлежит «внешнему» контролю со стороны «независимых» идентичностей. Все «внешнее» оказывается эффектом сигнификационных/дискурсивных властных практик, своим существованием обязанным «повторяющейся власти дискурса производить феномен, который он [дискурс] сам же и регулирует»⁴.

Возвращаясь к понятию гендера, повторимся, что как аналитическая категория гендер рожден постфеминистским дискурсом в ответ на необходимость репрезентации в дискурсе многообразия и различий («иного» и «другого») форм субъективности (как способ преодоления бинаризма значений мужского и женского, т.е., по сути, как способ преодоления биологического детерминизма, извечно бросающего тень на феминистскую мысль). В духе постструктуралистской методологии можно надеяться, что гендер – это сам процесс различения, то есть категория процессуальная, а не нормативная (как, например, пол⁵). Можно было бы сказать, что под знаком «гендер» функционирует не существительное, а глагол, и в этом смысле знаменует собой общий кризис феминистской идеологии. Под вопрос было поставлено ядро идеологии – феминистское «мы», основанное на феминистской идентичности. Однако парадокс заключается в том, что, с одной стороны, аналитика власти и ее продуктивной способности вскрывала механизмы подавления и исключения, посредством которых конституировалось феминистское «мы» (о чем громогласно заявили «исключенные» идентичности представительниц «черного» и «цветного» феминизма, постколониальных теоретиков и др.); с другой стороны, осознание того, что феминизм – это власть дискурсивного производства субъектов, вновь актуализировало вопрос об эффективности феминистских политик. В этой связи проблема «истинного» феминистского субъекта стала второстепенной по отношению к тому, какое знание производит этот субъект, каковы его властные потенциалы. В словах постфеминистского теоретика Дж. Флекс мы читаем буквальный призыв к власти:

«Вера в устойчивую связь между истиной и знанием в истории Запада, кажется, в большей степени, развивает опасную слепую невинность, нежели предуготовляет пути свободе и справедливости. В таком случае нам следует взять на себя ответственность за наше желание: то, что нам действительно нужно – это власть, а не просто истина» (Flax, 1993: 144).

Можно сказать, призыв реализовать властные потенциалы той субъектной позиции, в которой субъект обнаруживает себя, становится идейным основанием постфеминистской доктрины, дающей жизнь новым, локальным субъектам, «освобожденным» от комплекса нефеминистской идентичности. Вопрос только в том, за счет чего «исключенные» идентичности становятся субъектами глобального феминистского дискурса? За счет того, например, что они отказываются от приоритета *опыта* в пользу *желания* как механизма идентификации:

«Если всякий раз «Я есть» будет выступать своеобразной резолюцией момента желания в фиксированную и независимую идентичность, тогда этот проект позволил бы не только заявить «Я есть», но и выразить смысл моего «Я есть»: как потенциально изменчивый, непостоянный, как неустойчивый, как деконструируемый согласно генеалогии желания, а не предзаданный в опыте» (Brown, 1995: 75).

При этом логика глобализации, как известно, не приемлет фигуры «исключенного Другого». Это логика различения, а не исключения. Если вспомнить в этой связи основные чаяния и надежды «черного» феминизма середины 80-х гг., высказанные в работе бэлл хукс «Феминистская теория: от края к центру», можно констатировать, что – подобно сюжетам научной фантастики – они получили свое реальное воплощение: «радикальная открытость» феминистского дискурса, к которой призывала бэлл хукс, достигнута в дискурсе постфеминизма:

«Исключенные субъекты» включены.

Политики сопротивления стали частью логики властного перформативного производства субъективности.

На смену «мнимому» единству феминистского дискурса пришло многообразие значений и смыслов, присваиваемых субъективностью в пространстве постфеминистского дискурса.

Непротиворечивость бинарной логики исключения, на основании которой строился феминизм, сменилась противоречивым «равенством на основании различий» в постфеминистской методологии...

Что «мы», постсоветские исследовательницы, имеем в результате, оставшись лицом к лицу с собственным опытом новых/постсоветских/«независимых» идентичностей?

Прежде всего стоит заметить, что феминизм стал возможен в постсоветском пространстве отнюдь не в форме протестной идеологии или либеральной практики борьбы за права женщин (как в случае, например, «черного феминизма»): ведь вряд ли мы можем назвать политически значимыми те немногочисленные проявления женского активизма или правозащитной практики, которые имеют место на территории бывшего СССР. Очевидно, историю постсоветского феминизма вообще нужно начинать с проникновения феминистской идеи в академическую среду: действительно, те, кто были ангажированы феминистским дискурсом, это всего лишь некоторое количество университетских исследовательниц-интеллектуалок, которых интеллектуальная глобализация поставила перед необходимостью осознания собственной субъектной позиции в отношении глобальных дискурсов современности. С другой стороны, не в меньшей степени очевидно, что разделить феминистскую идеологию для постсоветских исследовательниц не представляется возможным уже в силу того, что мы не располагаем необходимыми ресурсами – ни символическими, ни политическими, а западный феминизм является для нас лакановским Большим Другим, который оставляет нам лишь несколько возможностей для идентификации: или развивать концепт уникальности («инаковости») нашего субъективного опыта посредством логики противопоставления, или, используя ресурсы дистанции периферии, разделяющей «меня» и «другого», конструировать себя как субъекта критики.

Собственно, постфеминизм и начался с момента самокритики, когда феминистская мысль проблематизировала свои собственные основания. Более того, самокритика стала тем знаковым ресурсом феминистской субъективности, который был привлечен и задействован именно с периферии феминистского дискурса посредством актуализации в дискурсе маргинальных субъектов. Именно маргинальные субъективности и вышли на авансцену феминизма с целью реализации ресурса собственной субъектной позиции – ресурса сопротивления (по иронии судьбы, являясь при этом производными новых конфигураций власти-нормализации и ее продуктивной способности производить субъектов как субъектов контроля). Не стоит ли и нам, постсоветским исследовательницам, реализовать эту стратегию (при этом специфика нашей субъектной позиции заключается в том, что «мы» не являемся, как уже было сказано, субъектами сопротивления...)?

«И что же из этого следует?»

Постфеминистская теория и на этот вопрос предлагает возможные ответы. Например, используя основанную на философии Делеза терминологию Розы Брайдотти, «мы» имеем все дискурсивные основания, чтобы мыслить ...номадически. Хотя номадический стиль мышления и жизни – нелегко разрешимая задача, отдающая, по словам Брайдотти, «шиком радикализма», однако,

«я все же утверждаю, что номадическая эстетика такого типа отражает политики периферийного сопротивления новым гегемоническим формациям. Иначе говоря, я не верю, что вы можете отделить вопрос стиля от политического выбора. Неотъемлемой частью принятия постмодернистской транснациональной экономики, в которой мы живем, есть разработка стилей и форм репрезентации, что отвечают нашей исторической ситуации» (Брайдотти; 2000: 20).

Что ж, «мы» (локальные/постсоветские феминистки) имеем для этого все основания. Глобальная современность лишает нас права на устойчивый и комфортный статус за ее пределами. И если мы, вслед за Брайдотти, признаем, что эпистемологический и политический статус субъекта глобальных дискурсов современности означен императивом (само)критического (в частности, постфеминистского) мышления, мы должны набраться смелости лицом к лицу встретить этот вызов современности во всей его сложности – необходимости всякий раз заново изобретать «себя», критикуя собственное же изобретение.

---

¹ C. Pateman, *The Disorder of Women* (Oxford: Polity Press, 1989).

² L. Irigaray, *This Sex Which Is Not One* (Ithaca: Cornell University Press, 1985).

³ E. Grosz, «Perverse Desire» in *Space, Time, and Perversion: Essays on Politics of Bodies* (New York & London: Routledge, 1995).

⁴ J. Butler, «Performative Power» in *Bodies That Matter: On the Discursive Limits of «Sex»* (New York & London: Routledge, 1993), p. 226.

⁵ в работе 1993 г. *Тела, которые значат: О дискурсивных пределах понятия «пол»* Дж. Батлер артикулирует категорию «пола» как эффект дискурса, как присваиваемое субъектом значение, тем самым преодолевая методологическую разницу между понятиями пола и гендера.

Литература

J. Butler, *Gender Trouble. Feminism and the Subversion of Identity* (N.-Y.: Routledge, 1990).

Жеребкина И. «Прочти мое желание...» *Постмодернизм, психоанализ, феминизм* (М., Идея-Пресс, 2000).

Батлер Дж. «От пародии к политике», *Современная философия*, №1, 1995 (Харьков: ХЦГИ).

Батлер Дж. «Совесть сотворяет субъектов из всех нас». Подчинение у Альтюссера», *Гендерные исследования*, № 6, 2001.

C. Pateman, *The Disorder of Women* (Oxford: Polity Press, 1989).

J. Rose, «Introduction-I», in Mitchell J., Rose J., eds., *Feminine Sexuality: Jacques Lacan and the Ecole, 1982 Freudienne* (New York & London: Pantheon Books, 1982).

K. Millet, *Sexual Politics* (Virago, 1977).

W. Brown, *States of Injure: Power and Freedom in Late Modernity* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1995).

J. Flax, *Disputed Subjects: Essays on Psychoanalysis, Politics and Philosophy* (New York: Routledge, 1993).

hooks, *Ain't I a Woman? Black women and Feminism* (London, Pluto Press 1982).

Брайдогги Р. «Путем номадизма», *Гендерные исследования*, № 4, 2000.

Деррида Ж. *Письмо и различие* (М., 2000).